

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт истории материальной культуры

Ладога и Ладожская земля в эпоху Средневековья

Выпуск 3

Санкт-Петербург
2012

УДК 947.02/.03(471.2)
ББК 63.3(2Рос30)4

Ладога и Ладожская земля в эпоху Средневековья. Выпуск 3.
СПб. : Нестор-История, 2012. — 164 с., ил.

ISBN 978-5-90598-634-5

Сборник подготовлен в рамках программы
«Традиции и инновации в истории и культуре»
Отделения историко-филологических наук РАН

Проект
«Ладога и Ладожская земля в эпоху Средневековья.
Преимственность и трансформации в развитии материальной
культуры средневекового русского города и его окружи»

Редакционная коллегия:
А.Н. Киртичников (ответственный редактор),
С.В. Белецкий, В.А. Лапшин

ISBN 978-5-90598-634-5

© Коллектив авторов, 2012
© ИИМК РАН, 2012
© Издательство «Нестор-История», 2012

ОТ РЕДАКТОРА

Третий выпуск сборника «Ладога и Ладожская земля в эпоху Средневековья» мы решили посвятить 1150-летию создания Русского государства, которое будет отмечаться в 2012 г. Восприемниками его являются Россия, Украина и Белоруссия. Одновременно может быть отмечено 1150-летие возникновения избирательной системы, 1130-летие появления федеративной армии и объявление Киева столицей Русской державы.

Создание государства, по надежному свидетельству русских летописей, происходило тремя этапами. 862 г. — призван князь Рюрик с братьями в г. Ладогу. С 864–865 по 879 г. Рюрик пребывает в Новгороде, точнее в его предшественнике — Рюриковом городище. 882 г. — преемник Рюрика князь Олег Вещий достигает Киева и объявляет его столицей Руси. Таким образом, за 20 лет была создана крупнейшая в Европе держава, включающая не только славян-русских, но и их соседей. При этом едиными были: язык, культура, верования, экономическое и торговое пространство, управление, династия.

Названное памятное событие обращено ко всем двенадцати векам истории трех братских народов — русского, украинского и белорусского. Оно приобретает поэтому особое не только историко-культурное, но и политическое, объединительное и консолидирующее значение.

В связи с памятной датой следует обратить внимание на города, упомянутые в летописи в связи с созданием Русского государства: Ладогу (ныне Старая Ладога Ленинградской области), Новгород (с его предшественником Рюриковым городищем), Изборск (Указ Президента РФ о его 1150-летию в 2012 г. подписан), Белоозеро, Ростов Великий, Муром, Смоленск, а также украинские города Любеч и Киев и белорусский Полоцк.

Свидетелями, а часто — партнерами и непосредственными участниками формирования государственности Руси, были близкие и дальние соседи. Назовем современные страны, примерно соответствующие по своему местоположению карте тех или иных этносов IX–X вв. Это Норвегия, Швеция, Дания, Финляндия, Германия, Эстония, Латвия, Литва, Польша, Венгрия, Болгария, Молдавия, Приднестровье, Южная Осетия, Турция, Иран, Ирак, Казахстан, Туркменистан, Узбекистан, Киргизия. Из автономий, входящих в состав Российской Федерации, укажем Карелию, Марий Эл, Мордовию, Татарстан, Северную Осетию, Дагестан. Участие этих стран в торжествах, посвященных столь знаменательной дате, несомненно укрепит позиции России в мировом сообществе.

Идея о проведении праздничных торжеств по случаю 1150-летия Русского государства была одобрена на совместном заседании в Санкт-Петербурге комиссий по культуре Общественных палат Федеральной и Ленинградской области 29.10.2010, на Пленуме Центрального совета ВООПИК 16.12.2010, по моей просьбе — на заседании Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию Санкт-Петербургского научного центра РАН, 23.12.2010 г. Кроме того, Президенту РФ Д.А. Медведеву 9 сентября 2010 г. было направлено соответствующее письмо, подписанное представителями России и Украины. Во исполнение перечня поручений Президента РФ по итогам совместного заседания Президиума Госсовета РФ и Президиума Совета при Президенте РФ по культуре и искусству от 10.09.1009 и от 3.10.2009 за № ПР 2633 Министерство культуры России совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти и Российской академии наук подготовило проект Президента РФ «О праздновании 1150-летия зарождения российской государственности» и внесло его в установленном порядке в Правительство РФ. И наконец, 3 марта 2011 г. Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым был подписан Указ о праздновании в 2012 г. 1150-летия зарождения российской государственности.

К 1150-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА (862–2012 ГГ.)

В 2012 г. грядет 1150-летие создания Русского государства и его избирательной системы. Оно начало обустраиваться, по достаточно достоверному сообщению Повести временных лет (далее — ПВЛ), в 862 г. Тогда славянские и финские племена (словене, кривичи, чудь, весь, меря, в вариантах русь) по общему решению на добровольной основе пригласили «во власть» заморского выходца, то ли скандинава, то ли ободрита, то ли полуславянина-полускандинава — Рюрика, с братьями Синеусом и Тривором.

Никоновская летопись, вбравшая в себя неизвестные источники, характеризует это событие необычайно подробно и с подкупающей непротиворечивостью: «И по сем (раздоры между племенами. — А. К.) събравъшеся реща к себе: поищем меж себе, да кто бы в нас князь был и владел нами? Поищем и уставим такового или от нас, или от Козар, или от Полян, или от Дунайчев, или от Варяг. И бысть о сем молва велия: оvem сего, оvem другаго хотящем. Та же совещавшеся, послаша в варяги» (Ник. лет., т. IX, с. 9).

Приведенное сообщение примечательно, оно отчетливо передает ставшее тогда новоосозанным стремление к объединению племен «под одним командованием». Здесь нет комплекса неполноценности или неспособности в связи с поиском некоего иноземного властителя. Наоборот, очевидно, был нужен нейтральный, рассудительный, лишенный местных предубеждений «правитель».

Характерен подбор стран-кандидатов. Это могущественная Хазария, достаточно развитая Полянская земля, загадочные Дунайцы (вероятно, часть славянского населения Болгарии) и, наконец, скандинавские варяги, добравшиеся в то время до Восточной Европы. К этим последним и послали приглашение.

Обстановка описанного летописцем выбора кандидатов «на престол» не кажется фантастичной. Все напоминает шумное межплеменное вече (конечно, нельзя исключать здесь действия племенных старейшин). В данном случае был достигнут своеобразный гражданский договор, что свидетельствует о свободном волеизъявлении и демократических порядках. Известие Никоновской летописи, как бы ни относиться к его подлинности, проливает свет на устройство общества, состоящего во многом из лично самодостаточных людей.

В тексте Никоновской летописи упомянуто желание иметь одного князя, что не отрицает его возможного дружинного окружения. Были ли

у Рюрика братья Синеус и Трувор, которые «сели» на Белоозере и в Изборске, как написано в ПВЛ, точно не установлено. Возможно, речь идет о знатных представителях придворного окружения главного лица. Этот вопрос пока не прояснен. Уместно вспомнить здесь поэтические и поныне актуальные слова, написанные Алексеем Константиновичем Толстым в 1868 г. (Толстой 1986: 29–30):

И стали все под стягом,
И молвят: «Как нам быть?
Давай пошлем к варягам:
Пускай придут княжить».

Посланцы скорым шагом
Отправились туда
И говорят варягам:
«Придите, господа»

И вот пришли три брата,
Варяги средних лет,
Глядят, земля богата,
Порядка только нет».

Первой резиденцией нового властителя оказалась Ладога — город в устье Волхова, основанный ещё до 753 г. Там пришелец заключил с хозяевами договор о своей службе, но вскоре стал и единодержавным правителем.

Ладога в тот период была центром славянской земли (возможно, федеративной столицей северных славянских и финских племен). Словами Ипатьевской летописи «и приидоше к словенем первее, и срубиша город Ладогу, и седе старейший в Ладозе, Рюрик, а другой, Синеус, на Белеозере, а третий, Трувор, Изборьске» (ИЛ: 14).

Сообщение о Ладоге как первой резиденции нового властителя и его братьев помещено в достоверных и наиболее полных списках Повести временных лет (Кузьмин 1967; Мачинский 2002) — в Ипатьевском, Хлебниковском, Радзивилловском, Московско-Академическом, Летописце Переяславля Суздальского, а также в «Истории Российской» В. Н. Татищева (далее — Тат.) (здесь, видимо, Раскольничья летопись). Напротив, в таких вариантах Повести временных лет, как летопись Лаврентьевская, Троицкая, имя Ладоги либо опущено, либо в этом месте имеется вставка над строкой «Новг». Только в Новгородской Первой летописи вместо Ладоги написан Новгород.

По мнению А.А. Шахматова, сообщение о Новгороде восходило к Начальному своду 1090 г. (отраженному в Новгородской Первой летописи), затем было унаследовано от этого свода в первой и второй редакциях

ПВЛ, составленных в 1111 и 1116 гг. Напротив, Ладога названа только в третьей редакции ПВЛ, оформленной в 1118 г. (Шахматов 1916: 53 и сл.; Гишпиус 2007: 213 и сл.; Носов, Янин 2011: 9–11). Такая схема утверждает первичность известия о происхождении Новгорода. Она, в какой-то мере, приемлема текстологически, но нуждается в археологической коррекции. Новгород, а точнее — Предновгород (Рюриково городище), во времена призвания варяжских властителей либо не существовал, либо был только что отстроен (как установил Е.Н. Носов, возник не позже 850-х — 860-х гг.). Напротив, Ладога была основана до 753 г. и, следовательно, была на 100 лет старше поселения у истока Волхова, и чтобы попасть внутрь страны по речным путям, ее нельзя было миновать.

Упоминание Новгорода и Ладоги в летописи отделено от истинных событий более чем на два с лишним столетия. Здесь не исключены мифы и предания, впрочем, содержавшие реальную основу. Указание на Ладогу в третьей редакции Повести временных лет, которая была оформлена во времена князя Мстислава Владимировича, не случайно. Этот князь всеми своими корнями был связан с Новгородом и Балтийским миром. В 1114 г. он вместе с посадником Павлом заложил в Ладоге каменную крепость, что выдвинуло этот город в разряд хорошо укрепленных форпостов на северных границах Руси. Накапливается все больше фактов о том, что Мстислав задумал и, может быть, частично осуществил, строительство в Ладоге сразу пяти каменных храмов, что для своего времени явилось своеобразным рекордом. Была заново организована вся городская структура (Кирпаичников, Сарабьянов 2010: 93–95).

В те времена ладожане и поведали летописцу некоторые рассказы о прошлом города и других происшествиях, вероятно, вспомнив о временах Рюрика. Таким образом, известие о Ладоге имеет признаки достоверности, и она действительно являлась естественным первоначальным метопребыванием представителей новой династии и идеообразующим местом развернувшихся в дальнейшем исторических событий.

С приходом Рюрика Ладога на два-три года (по В.Н. Татищеву — четыре) стала столичной резиденцией образующейся Древнерусской державы. Событие раскрывается, как упоминалось выше, в надежном списке Ипатьевской летописи в следующих словах: «Седе старейший в Ладозе Рюрик» (ИЛ: 14). Понятно, что «сиденье» означало место властвования, иерархически соответствующее княжескому владельческому столу.

В дальнейшем столичные функции унаследовали: поселение, предшествующее Новгороду, — Рюриково городище, а в 882 г. «мать городов русских» Киев, т. е. — главный город страны. Каждому этапу продвижения государственности соответствовал свой центр с окружающей областью. Таких этапов оказалось три, финальным стал общеславяно-русский

Киев. Столичные места, следовательно, кочевали географически с севера на юг. Все это последовательно отмечено в летописи¹. Северных людей в Киев, на юг, привлекали широкие возможности развития земледельческого хозяйства. Святослав говорил своей матери Ольге, почему он стремится на Балканы, в Переяславец на Дунае, «середу земли», в которой «от Грек золото, паволоки, вина и овощи различныя, из Чех же, из Угорь серебро и комони, из Руси же скоро и воск, мед и челядь» (ПВЛ: 32). Киев был центром, из которого нетрудно было достигнуть мест русских племен и заморскую Византию. Торговый перечень балканских товаров, что нетрудно заметить, соответствует товарам, которыми торговал и которые получал Киев. Есть и политические причины. На севере страны князь был ограничен договором о сборе дани и владении землей. В Киев же он пришел как самовластный правитель, свободный от каких-либо обязательств (Янин 2007: 206, 209).

Приоритетное положение Ладоги-Альдегьюборга как места политического властвования конунгов и даже целых их династий подтверждают скандинавские саги, восходящие к IX–X вв. В этих произведениях (при всей фантастичности их содержания и указания на неподтвержденные загадочные, но, возможно, в какой-то мере реальные события) сообщается о местных владетелях и их семьях. В Ладоге останавливались знатные норманны, чинили и строили корабли, защищались от нападений, у стен крепости происходили битвы, в мирное время здесь встречали и провожали купеческие корабельные караваны, вели дипломатические переговоры,

¹ Некоторые историки с недоверием отнеслись к столичности Ладоги. Так, П.П. Толочко допускал, что Рюрик первоначально пришел в Ладогу, а затем перебазировался в Новгород. Он пишет далее: «В отличие от Ладоги, где Рюрик просто „седе“, в Новгороде он „седее ту княжа“, что, вероятно, свидетельствует о более высоком политическом статусе» (Толочко 2010: 117). Такое заключение не бесспорно, «Седе» по отношению к претенденту может и не иметь в источнике приписки «княжить» или «на столе», что, например, продемонстрировано в летописной фразе о междукняжеских переговорах в упомянутой книге того же автора (Толочко 2010: 119.). Лаконичное «седе», а не «седее ту княжить» по отношению к Рюрику может иметь еще одно объяснение. Согласно Иоакимовской летописи, содержащей немало сведений о подлинных событиях, Рюрик, будучи в Новгороде (точнее в его предшественнике), сам же «проименовался князь великий, еже греческий архикратор или васелевс» (Татищев 1994: 110). Речь явно идет о своеобразном короновании Рюрика и присвоении ему высшего титула «великий князь». Если это соответствует действительности, то это был основополагающий государственный акт (почему-то еще не замеченный историками). Касаясь «сидения» Рюрика в Ладоге, летописец, возможно, давал понять, что новый властитель еще не имел полной титулатуры, а потому и опустил пояснения к слову «седе».

устраивали свадьбы, собирали вече-тинг. Принадлежностью древней династии ладожских ярлов был легендарный заговоренный меч Тюрфинг, который «будет убивать человека всякий раз, как его извлекут из ножен» (Сага о Хервёр, см.: Кирпичников, Сарабьянов 2010: 17–18). Для северных пришельцев Альдегьюборг-Ладога был первым городом Руси на их пути на Восток. Вплоть до конца XI в. они стремились владеть им как крупным центром с богатыми рынками и сильной крепостью (Джаксон 1999; 2003; Древняя Русь 2009).

Историки до сих пор спорят, зачем и откуда приехал Рюрик с братьями на Русь. А если Рюрик, не дай бог, был скандинавом, то получается государство не русское, а норманское. Развернулась острая борьба между норманистами, стало быть, буржуазными учеными, и антинорманистами, славящими чистоту славянской крови. Не вдаваясь в эти подробности, скажу кратко: в 862 г. был призван, и конечно не случайно, человек, способный остановить не только внутренние раздоры, но и внешних врагов. Национальность значения не имела.

Политический выбор северо-русских и финских племен оказался дальновидным и точным. Викинги-разбойники, терроризировавшие почти всю Европу, не покушались на страну, где уже не служили наемником, а правил, возможно, их соотечественник, судя по всему, опытный полководец и политик. Рюрик возвёл в Ладоге крепость и посадил по городам своих мужей — управителей. В летописи кроме Ладоги названы Предновгород (ныне Рюриково городище, сам Новгород возник на своём месте в X в.), Ростов, Муром, Полоцк, Изборск, округ Белоозера, несколько позднее ранний Смоленск (Гнездово), Любеч и Киев. Так сложилось ядро первоначальной монархической Руси. Несомненно, задумано оно было в Ладоге. В перечне первых державных, несомненно тогда существовавших городов, по разным причинам не указаны многие города, такие, например, как Псков и Чернигов. Недаром Русь называлась «страной городов». Именно городам принадлежала будирующая роль в строительстве государства.

Рюрика справедливо характеризуют как основоположника государственного здания, «от него все пошло». Он — первая страница русской истории. Это, как писал историк Е.Ф. Шмурло, «Тезей — афинянин, Ромул — римлянин, Пжемысл — чехов, Пяст — поляков, Хлодвиг — франков» (Шмурло 1998: 73). Первоучредитель новой Руси по праву занимает уготованное место среди таких же героев-созидателей истории.

В 882 г. преемник Рюрика князь Олег, прозванный Вещим, объединил Северную и Южную Русь и провозгласил Киев «матерью городов русских», т. е. — столицей страны.

Масштаб деятельности Олега, судя по ПВЛ, поразителен и соответствовал могучему установлению новых общегосударственных целей. Было развернуто массовое строительство городов-крепостей; были подчинены древляне, северяне, радимичи; установлена дань славянам, кривичам, мери; удалось откупиться от набегов воинствующих варягов. Многоплеменное сообщество объединялось под общим самоназванием — «прозвашася Русью»². Олег бросил вызов хазарам: их данники северяне и радимичи были освобождены от поборов восточного соседа. По договору, заключенному в 911 г. «великим князем» Олегом с Византией, Русь признавалась в качестве юридически самостоятельного субъекта, т. е. — по статусу оказалась международно признанной державой. Олегу, первому в русской истории, можно приписать создание федеративной армии под единым командованием. Во время похода на Киев в 882 г. в ее состав входили варяги, чудь, меря, весь и кривичи. В 907 г. состоялся удачный поход на греков, в котором участвовало до 14 разноплеменных отрядов. Эта войсковая практика была унаследована московскими князьями. Уместно сказать, что в 1380 г. на Куликовскую битву собралась рать из 36 городов. Воинские подразделения шли на бой, преодолев путь 750–900 км.

² Впервые в Повести временных лет «начася прозывать Руска земля» сопоставляется с началом царствования византийского императора Михаила, что имело место не в 852 г., как указано в Повести, а в 842 г. Далее в том же источнике говорится, что при упомянутом властителе (точнее — в 860 г.) русы подступали к Константинополю. Вероятнее всего, именно тогда греки и стали «прозывать» Русскую землю — страну своего противника. После похода, окончившегося неудачей, по данным Никоновской летописи «створи же (император) мирное устроение» с предложением русам креститься, что нашло некоторый отклик в среде язычников. Эти события исходили из Киева, тогда — главного города полян, и характеризовали местную предгосударственную обстановку. Что касается похода 860 г., то в этой акции еще нельзя усмотреть общегосударственной системности, которая с очевидностью складывается начиная с 862 г. — со времени призвания Рюрика с братьями. Последняя дата, как полагают, условна, но, очевидно, она близка к истинной.

Уже после написания данной статьи я познакомился с книгой «Начало Русского мира» (СПб., 2011). Книга содержательна, в ней много нового и интересного. К сожалению, в ряде статей допущена переоценка похода 860 г. и его последствий как связанных якобы «с появлением Руси на европейской арене как самостоятельного суверенного государства» (Там же, с. 11), что «означало истинное начало российской государственности, не связанное с призванием варягов» (Там же, с. 13). В то же время преуменьшается значение событий 862 г., которые, имея в виду факт призвания варяжского князя, не принесли российской истории «никакого реального исторически переломного смысла» (Там же, с. 8). Увы, не затухает накал «варяжского вопроса».

Итак, начальные годы создания Русского государства — Киевской Руси — первыми его двумя государственными правителями можно соотнести с 862–882 гг. Именно тогда и возникла, утвердилась и обустроилась могущественная держава в Европе, можно сказать, федеративная империя, где наряду со славянами-русскими жили финно-угры, скандинавы, поляки, группы кочевников, представители других племён и народов. Всего в сложении Руси в IX–X вв. приняли участие 22 племени и этнических образования. Молодое государство вобрало в себя не только земли, но и человеческие живительные силы населения Восточной Европы и соседних областей. К числу этих соседей, народы которых до сих пор живут в рамках современных государств, назовем Норвегию, Швецию, Данию, Финляндию, Германию, Польшу, Эстонию, Латвию, Литву, Венгрию, Болгарию, Молдавию, Приднестровье, Южную Осетию, Иран, Ирак, Казахстан, Туркменистан, Узбекистан, Киргизию. Уместно вспомнить Карелию, Марий Эл, Мордовию, Татарстан (наследник Волжской Булгарии), Северную Осетию, Дагестан, а также воедь, ижору, вепсов, саамов, ненцев. Упрочнение государства, конечно, продолжалось и после 882 г.

Базовое население нового государственного образования предстает спаянным общими языком, культурой, обычаями, ремеслом, едиными территорией, торговым и экономическим пространством, одной династией и законом, несколько позднее — православной верой и письменностью. Общими были производство бытовых и других изделий, украшений. Сходными являлись домостроительство, фортификация, архитектура, военное дело и вооружение. Конечно, имелись некоторые различия (например, в развитии северных и южных земель), но они обычно имели частный характер.

Так называемый период феодальной раздробленности в XII — начале XIII в. в науке нередко характеризовался как время ослабления и упадка страны, погрязшей в междоусобных войнах отдельных княжеств и их владетелей. В действительности это был период экономического подъема, умножения населения, заселения пустующих пространств, перехода к серийному выпуску отдельных изделий, повышения уровня сельской и городской культуры. Упрочился класс вольных торговцев и ремесленников, а смерды отличались относительной свободой и благосостоянием. По темпу своего развития страна находилась в ряду передовых стран Центральной и Западной Европы³. Что же касается внутренних войн и столкновений, то они обычно велись группировками элиты и не задевали основные

³ Эти мысли были мной изложены еще до знакомства с книгой П.П. Толочко «Древнерусская народность» и высказаны в присутствии этого автора в докладе в Киеве 27 августа 2010 г. Более подробно та же тема развернута в упомянутой книге П.П. Толочко, с чем я полностью солидарен.

слои общества. Временами нарушался покой тех или иных областей, но эти военных раздоры не могли остановить прогресс земель.

Геополитическое положение Руси, а в дальнейшем России, между Западом и Востоком, многоэтничный состав населения, необозримые размеры территории, открытость и доступность по отношению к соседям, веротерпимость и гостеприимство, — все это обусловило особую широту, природную щедрость и отзывчивость народа.

Уязвимость Руси-России со стороны восточных, западных и северных соседей, победы и поражения, а порой и катастрофы, готовность населения к самопожертвованию, массовый героизм в периоды сражений и войн, жертвенность, удивительное терпение — все сказалось на формировании качеств народа и его национального характера (Кирпичников 2003: 27). Сочетание этих противоречивых качеств привело к тому, что русские, первоначально жившие в духе вольных традиций, после татаро-монгольского нашествия были вынуждены мириться с социальными невзгодами и нарастающим классовым неравенством.

Постоянно действующим фактором исторической жизни Руси-России явились, как упоминалось, связи с Востоком и Западом. Страна не могла не использовать достижения мировой цивилизации. Особенно на первых порах был важен беспрепятственный доступ к водным морским путям, международной торговле, в конечном счете к всемирному человеческому общению и тесным связям со всем Старым Светом, даже в те периоды, когда иноземцы представлялись как военные и идеологические недруги.

В 1237 г. монголы вторглись на территорию Рязанской земли. Спустя три года Северо-Восток и Юг страны лежали в руинах. Армия завоевателей во время европейских походов насчитывала 100 000–150 000 человек. Можно предположить, что в сражениях с войсками русских княжеств и в операциях по захвату городов нападающие обладали 10–30-кратным численным перевесом (Кирпичников 1976: 5). Даже объединенное войско нескольких земель не могли противостоять такой армаде, хотя и неоднократно вступало с ней бой. Монгольские полчища впервые за несколько истекших столетий принесли миру новую войну, основанную на тотальном истреблении всех, кто пробовал сопротивляться. В этом отношении монгольское нашествие оставило далеко позади себя все, что было известно о междукняжеских распрях и половецких набегах.

Высказываются мнения, что разгром Руси монголами «не очевиден», что летописцы, описывая ужасы опустошения, преувеличили. Археология опровергает подобные домыслы. Ныне археологически изучены начиная с Киева некоторые уничтоженные древнерусские города, наполненные сожженными жилищами и останками сотен погибших людей. Летописец вовсе не преувеличивал, когда писал следующие горестные слова: «Осироте

бо тогда и обнища великая наша Русская земля, и отъяся слава и честь ея, но не вовеки и поработися богомерску царю... от Батыева времени» (Твер: под 1246 г.). Монгольское вторжение «явилось печальным рубежом в истории русской культуры, задержало ее развитие на 150–200 лет именно в этот момент, когда передовые страны Западной Европы начали быстро развиваться» (Рыбаков 1949: 695).

Последствиями военной катастрофы 1237–1241 гг. стали ослабление связей между областями и целыми регионами, упадок торговли, ремесла и строительства, нарушение торговых путей, общее оскудение материальными и человеческими ресурсами. Относительно жизнеспособными оказались Юго-Западная Русь и Новгородско-Псковские земли. Столичные функции от Киева перешли к Владимиру на Клязьме. Русь стала распадаться. Постепенно началось обособление территорий, на которых возникнут Украина и Белоруссия. При этом, однако, важно отметить, что созданное в домонгольской Руси духовное и материальное богатство не исчезло окончательно. Столетиями «историческая память народа, — как верно пишет П.П. Толочко, — несмотря на монгольское нашествие, литовские, польские завоевания, сохранила древнерусскую систему понятий и идеалов, осознание своей органической неотъемлемости от киевского наследия, свою русскую идентичность» (Толочко 2010: 65). Как не вспомнить слова Дмитрия Донского, сказанные в 1380 г. перед полком в начале битвы на Куликовом поле: «Все бо есмы от мала до велика братие едины... род и племя едино... едино крещение, едина вера христова» (Ник.: 58).

Как бы контрастно не менялись исторические эпохи, ныне Россия, Украина и Белоруссия являются прямыми наследниками Киевской Руси, а 1150-летие в 2012 г. предстает как праздник трех братских равноправных народов этих стран, взращенных от общеславянского корня.

В Великом Новгороде высится памятник «Тысячелетия России», созданный талантливым скульптором М.О. Микешиним в 1861–1862 гг. Его упрекали в том, что он, как бы по ошибке, изваял исторических личностей начиная с Рюрика. Не без основания писали, что государство не мог создать герой, кем бы он ни был, в один день, следовательно, у Рюрика должны быть некие предшественники, подготовившие рождение государства. Действительно, у славян Восточной Европы к середине IX в. сложилась раннегосударственная ситуация в виде, например, племенных княжений. Надо было уловить созревшую идею, которая быстро бы овладела умами людей, идею о необходимости принятия общеземельного государственного устройства. Именно это подсказанное местной элитой направление и возглавил Рюрик, сумевший на новом месте понять назревшие задачи большой страны. Его местоположение среди фигур памятника «Тысячелетия России», таким образом, не противоречит истине. Достоинно продолжить

традицию новгородского монумента и создать, например, в честь памятного юбилея в Старой Ладогe — древней столице Руси — памятник великим основателям государства — князьям Рюрику и Олегу.

Что означает 1150-летие нашего Отечества? Один из современных политических комментаторов Владимир Соловьёв сказал: «Мы — один из редких народов, существующих на Земле, который до сих пор зачастую не знает не только где могилы их прадедов и прабабушек, но даже кем они были. У нас нет даже одного поколения, которое в течение последних 100 лет завещало что-то своим детям — дело, дом, земельные угодья. Поэтому не верим, что завтра наступит, а живем сегодня». Эти слова во многом справедливы. Наше прошлое, наше культурное наследие нередко считают чем-то второстепенным, скучными археологическими черепками. В действительности история иногда подспудно движет и укрепляет народ. Пусть неосознанно, но мы наследники великих традиций; генетически носим в себе влияние веками сложившегося национального характера.

Юбилей государства — это не воспоминание только 862 г., это память обо всех двенадцати веках истории, о всех свершениях и обвалах нашего прошлого. К 1150-летию государственности можно прибавить 1130-летие создания федеративного войска, избирательной системы и провозглашения Киева столицей Руси. Это память об этапах истории, завещаниях Древнерусской державы народам России, Украины и Белоруссии. В сущности, это огромное многоступенчатое богатство, которое ждет, чтобы им как следует распорядились. Пусть окрыляют нас молитвы и помыслы наших предков, стремившихся сделать все возможное, чтобы обустроить настоящее и свое часто непредсказуемое будущее.

«Юбилей, — как писал философ Иван Ильин, — веха общенародная. Мы должны видеть наш народ не только в его мятущейся страстности, но и в его смиренной молитве, не только в его грехах и падениях, но в его доброте, в его доблести, в его подвигах. И особенно — в том скрытом от постороннего глаза направлении его сердца и воли, которым проникнута вся его история» (Ильин 2006: 6).

1150-летие государственности побуждает осознать наше многовековое прошлое. Русское государство, возникнув однажды, существовало непрерывно, что, с учетом войн и бедствий, нередко ставивших страну на край гибели, является чудом. Юбилей, отмечаемый в 2012 г. — это новая ступень к исторической высоте, оглядываясь с которой мы лучше видим и настоящее, и святительный путь в будущее.

Проникновенно сказано, что красота спасет мир. Вековые культура и история спасут, и навечно сдружат общекровных братьев и сестер — народы России, Украины и Белоруссии.

После того, как статья была сдана в печать, возникло следующее дополнение. 2 мощный взлет Руси во многом был обязан человеческому фактору.

Замечено, что огромные могильные холмы-сопки, высотой до 10–15 м, в районе Старой Ладogi при раскопках обнаруживают очень скромные заупокойные приношения, что свидетельствует, как думает Е.А. Мельникова, о довольно низком уровне социальной дифференциации; при этом знаковая величина насыпей допускает мысль о выделении знати (Мельникова 2011: 57). Полагаю, что небогатый состав вещей из сопок скорее указывает на имущественную уравниность первых поколений горожан Ладogi. О том же говорит устройство открытых раскопками ладожских домов-пятистенков IX–X вв. с более или менее стандартным набором найденных в этих постройках бытовых предметов (стеклянные бусы, изделия из кости, бронзы, железа, олова, камня, глины и т. п.). В Ладoge также не встречено типичных для Новгорода боярских усадеб. Вместо этого зафиксирована уличная порядная структура размещения домов. В них жили самодостаточные ремесленники и торговцы — представители, говоря современным языком, среднего класса.

Результаты раскопок в Старой Ладoge и современные исследования ранней истории Руси подталкивают к новым подходам в изучении исторических процессов, происходивших в славянской Восточной Европе, особенно в ее северной части, в период раннего Средневековья. Прежние научные стереотипы требуют определенного пересмотра (Мельникова 2011: 15 и сл.; Носов 2002: 5 и сл.).

Накапливается все больше фактов, свидетельствующих о том, что первоначальному древнерусскому государственному образованию не были присущи явления, свойственные более позднему времени, такие как феодальная земельная собственность и классовое устройство общества. Такого рода общество со своеобразным вечевым народоправством осторожно называют стратифицированным. Оно, если подходить схематично, включало военно-торговую элиту, свободных горожан и, наконец, сельских хозяев. При этом общие вопросы решались на вечевых сходах. Рабство играло в хозяйстве второстепенную роль. Ограничение власти князей и дружинников, что было характерно для Северной Руси, предусматривалось общественными соглашениями. Первое известное соглашение принял Рюрик, приглашенный во власть в 862 г. славяно-финской конфедерацией племен.

То был особый период в жизни ставшего самостоятельным населения городов и сел тогдашней Руси. Можно сказать, что первоначальное государство основывалось на относительной свободе населения, вольной предприимчивости, открытой человеческой инициативе, этнической уживаемости

и социальном мире. Этим объясняется взлет экономики, быстрое освоение новой техники, стремительное развитие городов, ремесла, торговли, транспортных средств. На просторах Восточной Европы во многом мирным путем образовалось этнически и культурно интегрированное сообщество племен и народов, объединенных общим политическим руководством и небывалыми по размаху дальними связями. В этом сообществе уверенно лидировала и крепла Русь. Следует учитывать сложность общеевропейских процессов и взаимовлияния разнородного населения находившегося на разных уровнях социального развития. Это касается и странствующих викингов, и землевладельцев, и охотников-финнов, и придворных дружинников, и горожан, и вооруженных торговцев.

Конечно, не стоит представлять бесконфликтное вольнолюбивое устройство новообразованного государства. Не сразу ушли в прошлое племенные обычаи и влияние родовой аристократии. Но сквозь эти «старинны» мощно пробивались новые порядки, разрушавшие местную замкнутость и «зверинский образ жизни». Случались усмирительные походы, принуждения, грабительские дани. Новое руководство встречало сопротивление племенных старейшин. Но, как бы то ни было, на карте Европы в середине IX в. утвердилось новое государство, которому суждено было исторически непрерывное существование.

Литература

- Гиппиус 2007 — *Гиппиус А.А.* Новгород и Ладога в Повести временных лет // У истоков Русской государственности. СПб., 2007.
- Джаксон 1999 — *Джаксон Т.Н.* Исландские саги о роли Ладоги и Ладужской волости в осуществлении русско-скандинавских торговых и политических связей // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб., 1999.
- Джаксон 2003 — *Джаксон Т.Н.* Ладога и Ладужская волость в исландских сагах и скандинавских стихах // Ладога и истоки Российской государственности и культуры. СПб., 2003.
- Древняя Русь 2009 — Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. М., 2009.
- ИЛ — Ипатьевская летопись // ПСРЛ. М., 1998. Т II.
- Ильин 2006 — *Ильин И.* Почему мы верим в Россию. М., 2006.
- Кирпичников 1976 — *Кирпичников А.Н.* Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976.
- Кирпичников 2003 — *Кирпичников А.Н.* В поисках национальной идеи // Культурное наследие Российского государства. СПб., 2003. Вып. IV.
- Кирпичников, Сарабьянов 2010 — *Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д.* Старая Ладога — древняя столица Руси. СПб., 2010.
- Кузьмин 1967 — *Кузьмин А.Г.* К вопросу о происхождении варяжской легенды // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967.

Мачинский 2002 — *Мачинский Д.А.* Почему и в каком смысле Ладогу следует считать первой столицей Руси // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Связующие пути и организующие центры. СПб., 2002.

Мельникова 2011 — *Мельникова Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды. М., 2011.

Ник. — *Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью* // ПСРЛ. СПб., 1897. Т. XI.

Носов 2002 — *Носов Е.Н.* Происхождение первых городов Северной Руси (постановка проблемы: история и археология) // Исторические записки. М., 2002. 5 (123).

Носов, Янин 2011 — *Носов Е.Н., Янин В.Л.* К 1150-летию юбилею российской государственности: источники и проблемы // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб., 2011. Т. 1.

ПВЛ — *Повесть временных лет*. СПб., 1996.

Рыбаков 1949 — *Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. М., 1949.

Толстой 1986 — *Толстой А.К.* История Государства Российского от Гостомысла до Тимашева // Толстой А.К. Избранное. М., 1986.

Татищев 1994 — *Татищев В.Н.* История Российская. М., 1994. Т. 1. С. 110.

Твер. — *Летописный сборник, именуемый Тверской летописью* // ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15.

Толочко 2010 — *Толочко П.П.* Древнерусская народность. Киев, 2010.

Шахматов 1916 — *Шахматов А.А.* Повесть временных лет. Пг., 1916.

Шмурло 1998 — *Шмурло Е.Ф.* Курс русской истории. Возникновение и образование Русского государства (862–1462). СПб., 1998.

Янин 2007 — *Янин В.Л.* О начале Новгорода // У истоков Русской государственности. СПб., 2007.

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ГЕНЕАЛОГИИ ПЕРВЫХ РЮРИКОВИЧЕЙ

Посольский перечень договора Руси с Византией 944 г. неоднократно привлекал внимание исследователей в качестве источника по генеалогии первых поколений рода Рюриковичей. Несколько лет назад я также обращался к этому источнику в попытках идентифицировать одного из самых загадочных персонажей начальной истории Руси — Володислава (Белецкий 2001: 16–23), которого большинство исследователей считают одним из русских князей X в. (напр.: ПВЛ-2: 289; Стрельников 1997: 138–144; Коновалов 1994: 86–91; Скрынников 1997: 317).

Коротко повторю основные наблюдения над летописными списками договора 944 г. (Белецкий 2001: 17–20). Хрестоматийным считается текст договора, сохранившийся в составе Лаврентьевской летописи (Лавр.: 46–47). Посольский перечень в нем состоит из 24 элементов (Э), каждый из которых содержит имя посла и имя лица, которого этот посол представлял. Э стереотипны: имя посла в именительном падеже + имя человека, представителем которого является посол, в родительном падеже либо притяжательное прилагательное, образованное от этого имени.

Неисправность текста Лавр. очевидна: Э₁₅ содержит вместо пары имен всего одно имя — *Воиков*. В переводе Д. С. Лихачева и Б. А. Романова данный фрагмент дополнен (ПВЛ-1: 231) по тексту договора, содержащемуся в Ипатьевской летописи (Ипат.: 35–36). Действительно, Э₁₅ в Ипат. содержит стандартную пару имен (*Воистов Иков*), т. е. имеет вид более исправный. Тем не менее между текстами Ипат. и Лавр. имеются и другие различия: в Ипат., например, как и в Радзивилловской летописи (Радз.: 25–26) опущен Э₁₇ (*Прастенъ Берновъ*), так что в этом отношении текст в Лавр. имеет вид более исправный, чем в Ипат. и Радз.

Можно отметить и другие неисправности посольского перечня, имеющиеся в трех основных списках договора. По крайней мере однажды в перечне была нарушена стереотипность: Э₁₅ в Ипат. и Радз. приведена как *Воистов Иков*, т. е. порядок размещения имен в паре обратный по сравнению со стереотипным — вначале следует притяжательное прилагательное, образованное от имени лица, направившего посла, и только после этого помещено имя посла в форме именительного падежа. Э₂₂ — *Сфирка Алвадь Гудовъ* (Лавр.; Ипат.) — содержит три имени, при этом значение второго имени неясно — то ли интересы Гуды представлял Сфирка-Алвадь, то ли Сфирка представлял в составе посольства интересы Гуды и Алвада.

Иными словами, ни один из трех основных перечней, традиционно анализируемых в литературе, не может расцениваться как совершенно исправный и при публикации текста договора по какому-то одному списку перечень неизбежно приходится дополнять по другим спискам, фактически реконструируя сводный перечень.

Ничего удивительного в разночтениях нет. Как показал С.М. Каштанов, все известные списки договора восходят к одному и тому же протографу — списку договора, содержавшемуся в копийном сборнике митрополита Никифора I, привезенном на Русь в конце 1104 г. (Каштанов 1996: 39–42). Таким образом, разночтения возникли как результат описок при многократном переписывании текста. Наличие именно описок особенно отчетливо видно при сравнении посольско-купеческого перечня по десяти летописным спискам¹ — расхождения между ними однотипны: пропуски и замена букв, перестановка имен, пропуски отдельных имен.

Для сравнения с летописными списками был использован также список договора, содержащийся в «Истории Российской» В. Н. Татищева (Тат.; Татищев 1963: 41). При этом выяснилось, что разночтения Тат. со списками, содержащимися в летописях, такие же, как и разночтения летописных списков договора между собой.

Сопоставление одиннадцати списков перечня (табл.) позволило реконструировать его в следующем виде²: 1. *Иворь, соль Игоревъ, великаго князя Рускаго*. П о с л ы: 2. *Вуефастъ Святославль сынъ Игоревъ*; 3. *Искусеви Ольги княгини*; 4. *Слуды, Игоревъ, нети Игоревъ*; 5. *Оулебъ Володиславль*; 6. *Канищаръ Передьславинъ*; 7. *Шихъбернъ Сфандръ жены Улебле*; 8. *Прасьтень Турьдуви*; 9. *Либиаръ Фастовъ*; 10. *Гримъ Сфирьковъ*; 11. *Прастенъ Акунь нети Игоревъ*; 12. *Кары Тудковъ*; 13. *Каршевъ Турьдовъ*; 14. *Егри Евлисковъ*; 15. *Воистовъ Иковъ* (Ипат); 16. *Истръ Аминодовъ*; 17. *Прастенъ Берновъ*; 18. *Ятвягъ Гунаровъ*; 19. *Шибридъ Алданъ*; 20. *Коль Клековъ*; 21. *Стегги Етоновъ*; 22. *Сфирка Алвадъ Гудовъ*; 23. *Фудри Туадовъ*; 24. *Мутуръ Оутинъ*. К у п ц ы: 25. *Адунъ*; 26. *Адулбъ*; 27. *Киперь* (Льв.); 28. *Иггивладъ*; 29. *Олебъ*; 30. *Фрутанъ*; 31. *Гомоль*; 32. *Куци*; 33. *Емигъ*; 34. *Елин* (Тат.); 35. *Курдин* (Тат.); 36. *Адун* (Тат.); 37. *Турьбидъ*; 38. *Фурьстенъ*; 39. *Бруны*; 40. *Роальдъ*; 41. *Гунастръ*; 42. *Фрастенъ*; 43. *Игельдъ*; 44. *Турьбернъ*; 45. *И другии Турьбернъ*

¹ Кроме Лавр., Ипат. и Радз. для сопоставления были привлечены списки договора, содержащиеся в Тверской (Твер.: 50–51), Новгородской Четвертой (НIV: 30–31), Софийской Первой (Соф.1: 27), Львовской (Льв.: 52), Новгородской Карамзинской (Н Кар.: 33), Воскресенской (Воскр.: 279) и Новгородской Пятой (НV: 29) летописях.

² За основу взят перечень в Лавр., происхождение каждого дополнения оговаривается.

Таблица

	Лавр.	Ипат
1	Иворъ, соль Игоревъ, великаго князя Рускаго	Иворъ, соль Игоревъ великаго князя Рускаго
	[послы]	[послы]
2	Вуефастъ Святославль сынъ Игоревъ	Вуефастъ Святославль сына Игорева
3	Искусеви Ольги княгини	Искусеви Олгы княгиня
4	Слуды, Игоревъ, нети Игоревъ	Слуды Игоревъ, нетии Игоревъ
5	Оулебъ Володиславль	Оулебъ Володиславль
6	Каницаръ Передьславинъ	Каницаръ Перьславинъ
7	Шихъбернъ Сфандръ жены Улебле	Шигобернъ Сфандръ жены Оулебовы
8	Прасьгень Турьдуви	Прастенъ Турьдуви
9	Либиаръ Фастовъ	Либи Арьфастов
10	Гримъ Сфирьковъ	Гримъ Сфирков
11	Прастенъ Акунъ нети Игоревъ	Прастенъ Якунъ нетии Игоревъ
12	Кары Тудковъ	Кары Тудков
13	Каршевъ Турьдовъ	Каршевъ Тудоровъ
14	Егри Евлисковъ	Егри Ерлисковъ
15	Воиковъ	Воистовъ Иковъ
16	Истръ Аминодовъ	Истръ Яминдовъ
17	Прастенъ Берновъ	—
18	Ятвягъ Гунаровъ	Ятвягъ Гунаревъ
19	Шибридъ Алданъ	Шибьридъ Алданъ
20	Коль Клековъ	Коль Клековъ
21	Стегги Етоновъ	Стегги Етоновъ
22	Сфирка Алвадь Гудовъ	Сфирка Алвадь Гудовъ
23	Фудри Туадовъ	Фудри Тулбовъ
24	Мутуръ Оутинъ	Муторъ Оутинъ
	[кушцы]	[кушцы]
25	Адунъ	Адунъ
26	Адулбъ	Адолбъ
27	—	—

28	Иггивладъ	Ангивладъ
29	Олебъ	Оулебъ
30	Фруганъ	Фруганъ
31	Гомоль	Гомоль
32	Куци	Куци
33	Емигъ	Емигъ
34	—	—
35	—	—
36	—	—
37	Туръбидъ	Туръбридъ
38	Фуръстенъ	Фуръстенъ
39	Бруны	Бруны
40	Роальдъ	Роальдъ
41	Гунастръ	Гунастръ
42	Фрастенъ	Фрастенъ
43	Игелъдъ	Ингелдъ
44	Туръбернъ	Турберн
45	—	и други Турбернъ
46	—	Оулебъ
47	—	Турбенъ
48	—	—
49	Моны	Моны
50	—	—
51	Руалд	Руалдъ
52	Свень	Свень
53	Стиръ	Стиръ
54	Алданъ	Алдан
55	Тилена	Тилии
56	Пубъксаръ	Апубкаръ
57	—	Свень
58	Вузлевъ	Вузелевъ
59	Синко	и Синько
60	Боричъ	Биричъ

Таблица (продолжение)

	Радз.	Тат.
1	Ивърь, соль Игоревъ великого князя Рускаго	послы и гости Игоревы, великого князя рускаго
	[послы]	[послы]
2	Фуевасть Святославъ сына Игорева	Фуеваст Святослава сына Игорева
3	Искусевы, Олги княгини	и Ольги княгини Игоревы
4	Слугъ Игоревъ, нетии Игоревъ	слуга Нетий
5	Улебъ Володиславль	и Улебов Владислав
6	Канецарь Предеславинъ	Конецер Предславин
7	Шигобернь Сфаиндръ жены Улебовы	Шигоберн Ефаинды жены Улебовы
8	Прастенъ Туродуви	Прастен Туродуви
9	Иабарь Фастовъ	Либкар Набиар Фастов
10	Гримъ Сфирьковъ	Грим Сфирков
11	Прастенъ Якунь нетии Игоревъ	Прастен Якун
12	Кары Студеков	Кар Студков
13	Каршевъ Тудоровъ	Каршев Тудоров
14	Егри Ермисковъ	Егри Вжисков
15	Въисковъ Иковъ	Въискув Икувь
16	Истро Аминдовъ	Истр Аминдон
17	—	Прастен Бернов
18	Ятвягъ Гунаревъ	Ятвяг Гунарев
19	Шибринъ Алданъ	Шабрин Авдан
20	Коль Клековъ	Кол Кенов
21	Стегги Етоновъ	Стегн Чтонов
22	Сфирка Алвад Гудовъ	Сфирка Алвод Гудов
23	Фруди Тулбовъ	Фрудит Лбов
24	Муторъ Утинъ	Мутор Утин
	[купцы]	[купцы]
25	Адунъ	Адун
26	Адолбъ	Адолф
27	—	—

28	Антивлад	Антивлад
29	Улебъ	Улеб
30	Фругань	Фруган
31	Гомоль	Гомол
32	Куци	Елиг
33	Емиг	Куци
34	—	Елин
35	—	Курдин
36	—	Адун
37	Туробрид	Туробрид
38	Фурьстенъ	Фурстен
39	Бруны	Бруналд
40	Алдъ	—
41	Гунастръ	Гунастр
42	Фрастенъ	Фрастен
43	Ингелдъ	Ингелд
44	Турибенъ	Турибен
45	—	—
46	—	—
47	—	—
48	—	Кудин
49	Моны	—
50	—	и другой Мони
51	Руалдъ	Руалд
52	Свень	Свень
53	Стиръ	Стор
54	Алданъ	Алдан
55	Тилеи	Тилен
56	Апубкаръ	Апубран
57	Свень	Свен
58	Вузелевъ	Вузелев
59	и Синоко	и Сынко
60	Биричь	Боричь

Таблица (продолжение)

	Твер.	НІV
1	послы великого князя Игоря Русскаго именемъ Ивиоръ	Иворъ, посоль Игоревъ великаго князя Рускаго
	[послы]	[послы]
2	Буефастъ Святославль сына Игорева	Боуефастъ Святославль сынъ Игорева
3	Искусеви Олги книги	Искусеви Олгы княгини
4	Слудий, племенникъ Игоревъ	Слугы Игоревы нетии
5	Улебъ Володиславль	Оулевь Володиславль
6	Каницаръ Переславинъ	Каницаръ Передславинъ
7	Шихбернь Сфандръ жены Улебля	Шихбернь Сфандръ жены Оулебля
8	Прастенъ Турдови	Прастенъ Тоурдоуви
9	Либиаръ Фрастовъ	Либи Арфастовъ
10	Гримъ Сфирковъ	Гримъ Сфирковъ
11	Прастенъ Акунь нетий Игоревъ	Прастенъ Акоюнь нетии Игоревъ
12	Каръ Студковъ	Кари Тудковъ
13	Каршевь Турдовъ	Каршевь Турдовъ
14	Егрие Влановъ	Еври Евлисковъ
15	Войковъ	Воиство Иковъ
16	Аетръ Аминдовъ	Истръ Аминдовъ
17	Прастенъ Берновъ	Прастенъ Берновъ
18	Ятвагъ Гунаревъ	Ятвягъ Гунаревъ
19	Шибридъ Олданъ	Шибридъ Олданъ
20	Коль Клоковъ	Коль Клековъ
21	Стегги Етоновъ	Стегги Етоновъ
22	Сфирка Алдадь Судовъ	Свирка Алвадь Гоудовъ
23	Фудри Тулдовъ	Фудри Тулдовъ
24	Мутуръ Утинъ	Моутоуръ Оутинъ
	[купцы]	[купцы]
25	Атунъ	Адоунъ
26	Адульбъ	Адоубль
27	—	—

28	Иггивладъ	Иггибладъ
29	Олебъ	И Олебъ
30	Фрутанъ	Фроутанъ
31	Гомоль	Гомоль
32	Қуци	Коуци
33	Емигъ	Минь
34	—	—
35	—	—
36	—	—
37	Турдибъ	Тоубридъ
38	Фурстенъ	Фоуръстенъ
39	Бруды	Броуды
40	Лоардъ	Лоардъ
41	Гунастръ	Гоунастръ
42	Фрастенъ	Фрастенъ
43	Игелдъ	Игелдъ
44	Турбернь	Тоурбернь
45	—	—
46	—	—
47	—	—
48	—	—
49	Моны	Моны
50	—	—
51	Руалдъ	Роуалдъ
52	Свень	Свень
53	Стиръ	Стиръ
54	Олданъ	Олданъ
55	Телина	Телина
56	Пупсаръ	Поупсаръ
57	—	—
58	Вузлебъ	Вузелебъ
59	и Синко	и Синко
60	Боричъ	Борець

Таблица (продолжение)

	Соф.1.	Льв.
1	посли великого князя Игоря, именем Иворь	послы и гостие и вои Игоревы, великого князя Руссаго
	[послы]	[послы]
2	Буефасть, Святославль сынъ Игоревъ	Буефасть и Святославль сына Игорева
3	Искусеви Ольги княгини	Искусевий Ольги княини
4	Слуды Игоревъ нетии	и Судь Игоревъ
5	Улебъ Володиславль	Улебъ Володиславль
6	Каницарь Переславинъ	Каницарь Перидславинъ
7	Шихбернъ Сфандръ жены Улебле	Шивъбернъ жены Улебле
8	Прастенъ Турдуви	Растънь Тудревъ
9	Либия Фрастовъ	Либиярь Фавстовъ
10	Гримъ Сфирковъ	Гримъ Стиковъ
11	Перастенъ Акунь нетии Игоревъ	Прастенъ Акуновъ нети Игоревъ
12	Кары Тудковъ	Каръ Тковъ
13	Каршевъ Турдовъ	Каршивъ Турдовъ
14	Егрие Влисковъ	Ерги Евланомъ
15	Воисто Воиковъ	Бойковъ
16	Истро Аминдовъ	Петръ Минодовъ
17	Прастенъ Берновъ	Прастенъ Берновъ
18	Ятъвягъ Гунаревъ	—
19	Шибридъ Олданъ	Олданъ
20	Колы Слековъ	Коль Клоковъ
21	Стеггие Тоновъ	Стегги Итовъ
22	Сфирка Алдад Гудовъ	Довъ
23	Фудри Тулдовъ	Фудри Туадовъ
24	Мутуръ Утинъ	Муровъ Утинъ
	[купцы]	[купцы]
25	Атунъ	—
26	Адулобъ	—
27	—	Киперь

28	Иггивладъ	Агавладъ
29	Олебъ	Олебъ
30	Фрутанъ	Фрутанъ
31	Гомоль	Гомоль
32	Куци	Куци
33	Емигъ	Емакъ
34	—	—
35	—	—
36	—	—
37	Турдибъ	Турийкинъ
38	Фурьстенъ	Рестинъ
39	Бруды	Роалдъ
40	Лоардъ	Бруны
41	Гунастръ	—
42	Фрастенъ	—
43	Игельдъ	—
44	Турбернъ	—
45	—	—
46	—	—
47	—	—
48	—	—
49	Моны	Рбемоны
50	—	—
51	Руалдъ	Рулаальдъ
52	Свень	Свень
53	Стиръ	Стиръ
54	Олданъ	Алданъ
55	Телина	—
56	Пупсаръ	—
57	—	—
58	Вузлебъ	Узлевъ
59	и Синько	Синко
60	Боричъ	Боричъ

Таблица (продолжение)

	Воскр.	НКар.
1	послы великого князя Игоря, именемъ Иворъ	Иворъ, сол Игоревъ, великаго князя Рускаго
	[послы]	[послы]
2	Вуефастъ, Святославль сынъ Игоревъ	Вуефастъ Святославль сынъ Игорев
3	Искусеви Олги княгини	Искусеви Олги княгыни
4	Слугы Игоревъ нетий	Слудъ, Игорев нетии
5	Улепъ Володиславль	Улебъ Водислалъ
6	Каницаръ Предславинъ	Каницаръ Передъславинъ
7	Шихъбернъ Сфандръ жены Убегли	Шихбернъ Сфандръ жены Улебли
8	Прастенъ Турдуви	Прасътенъ Турьдуви
9	Либиаръ Фрастовъ	Либиар Фастов
10	Гримъ Сфирковъ	Гримъ Сфирков
11	Прастенъ Акунъ нетий Игоревъ	Прастенъ Акунъ нетии Игорев
12	Кары Тудковъ	Кары Студков
13	Каршевъ Турдовъ	Каршен Турдов
14	Егрие Влисковъ	Егрие Влисков
15	Воистъ Воиковъ	Воистъ Воиков
16	Истръ Аминдовъ	Истръ Амидов
17	Праспенъ Бръновъ	Прастенъ Бернов
18	Ятъвягъ Гунаревъ	Ятвяг Гунарев
19	Шибри Алданъ	Шибридъ Олданъ
20	Коль Клековъ	Коль Клеков
21	Стегги Етоновъ	Стегги Етонов
22	Сфирка Алдва Гудовъ	Сфирка Алвадь Гудов
23	Фудри Тулдовъ	Фудри Тулдовъ
24	Мутуръ Успинъ	Мутур Утинъ
	[кущы]	[кущы]
25	Адунъ	Адунъ
26	Адулбъ	Адулбъ
27	—	—

28	Иггивладъ	Иггивлад
29	Аледъ	Олебъ
30	Фруганъ	Фруганъ
31	Гомоль	Гомол
32	Куци	Куци
33	Елигъ	Емигъ
34	—	—
35	—	—
36	—	—
37	Турдивъ	Туръбидъ
38	Фуръстенъ	Фуръстенъ
39	Вруды	Бруды
40	Лолърдъ	Лоадръ
41	Гунастръ	Гунастръ
42	Фарастенъ	Фрастенъ
43	Игелдъ	Игельдъ
44	Турбенъ	Туръбернъ
45	—	—
46	—	—
47	—	—
48	—	—
49	Моны	Моны
50	—	—
51	Руалдъ	Руалдъ
52	Свень	Свень
53	Стиръ	Стиръ
54	Олданъ	Олданъ
55	Телина	Телин
56	Пупсаръ	Апупсаръ
57	—	—
58	Бузлебъ	Вузлебъ
59	и Синка	и Синко
60	Боричъ	Боричъ

Таблица (окончание)

	НУ.		
1	Иворъ, соль Игоревъ, великаго князя Рускаго	29	—
	[послы]	30	—
2	Бусефать Святославль сынъ Игоревъ	31	—
3	Искусеви Олгы княгыни	32	—
4	Слугы, Игоревы, нетии	33	—
5	Улебъ Володиславль	34	—
6	Каничаръ Передъславинъ	35	—
7	Шихъбернъ Ефандръ жены Улебле	36	—
8	Прастень Турдуви	37	—
9	Либии Арфастовъ / Грибии Арфастовъ	38	—
10	Гримъ Сфирковъ	39	—
11	Прастень Акунь нетии Игоревъ	40	—
12	Кары Тудков	41	—
13	Каршо Турдовъ	42	—
14	Еври Алисковъ	43	—
15	—	44	—
16	—	45	—
17	—	46	—
18	—	47	—
19	—	48	—
20	—	49	—
21	—	50	—
22	—	51	—
23	—	52	—
24	—	53	—
	—	54	—
25	—	55	—
26	—	56	—
27	—	57	—
28	—	58	—
		59	—
		60	—

(Ипат.); 46. *Оулебъ* (Ипат.); 47. *Турбень* (Ипат.); 48. *Кудин* (Тат.); 49. *Монь*; 50. *И другой Мони* (Тат.); 51. *Руалд*; 52. *Свень*; 53. *Стирь*; 54. *Алдань*; 55. *Тилена*; 56. *Пубьксарь*; 57. *Свень* (Ипат.); 58. *Вузлевъ*; 59. *Синко*; 60. *Боричь*³.

В большинстве списков договора Э₅ стереотипен: *Оулебъ Володиславль* (Лавр.); *Оулебъ Володиславль* (Ипат.); *Улебъ Володиславль* (Радз.); *Улебъ Володиславль* (Твер.); *Оулевъ Володиславль* (НІV); *Улебъ Володиславль* (Соф. 1); *Улеъ Володиславль* (Воскр.); *Улебъ Водиславль* (НКар.); *Улебъ Володиславль* (НV). Только в Льв. Э₅ содержит оба имени в именительном падеже (*Улебъ Володиславъ*), так что эта пара имен может быть переведена и как «Улеб, [посол] Володиславов», и как «Улебов [посол], Володислав».

В Тат. соотношение имен в Э₅ (*Улебов Владислав*) однозначно переводится как «Володислав, [посол] Улеба». Однако считать Э₅ в Тат. результатом сознательного исправления, внесенного В.Н. Татищевым, не приходится, поскольку сам Татищев считал Володислава не послом, а членом княжеской семьи, специально отметив в комментарии к перечню: «Тут же написаны по Игорю Володислав и Улеб князи и Улебова жена, от которых по тогдашнему обычаю от детей и жен особые были послы, и потому вероятно, что Володислав и Улеб братья Святославу были, но о них гисторики умолчали» (Татищев 1963: 306; 1964: 407). Таким образом, формула Э₅ в Тат. появилась в результате копирования текста протографа, а не благодаря осмысленному его редактированию.

Существенным представляется соотношение списков договора по составу отсутствующих Э (рис. 1)⁴. Нетрудно заметить, что лакуны в списках повторяются, причем это относится не только к отдельным пропущенным Э, но и к целым блокам Э (Э₃₄₋₃₆; Э₄₅₋₄₇). Судя по составу отсутствующих Э, пути трансформации перечня⁵, засвидетельствованные Льв. и Тат., были независимы друг от друга⁶ (рис. 2).

Таким образом, у нас нет оснований а priori отказываться от Э₅, содержащейся в Тат., и отдавать предпочтение Э₅, содержащейся в Лавр.,

³ Возможно, в Э₅₉–Э₆₀ речь идет об одном и том же человеке — княжеском бириче (судейском чиновнике) по имени Синко (см.: ПВЛ-2: 290): на это указывает не только Э₆₀ в Ипат. и Радз., но и наличие в Ипат., Радз., Тат., НІV, Твер., Соф.1, Воскр. и НКар. перед Э₅₉ союза *и*, отделяющего два последних элемента от основной части перечня.

⁴ В таблицу (рис. 1) и стемму (рис. 2) не включен перечень из НV, сохранивший только Э₁–Э₁₄.

⁵ Процесс трансформации перечня реконструирован путем определения последовательности исчезновения из перечня отдельных Э или блоков Э.

⁶ Предполагать, что Э₅ в том виде, в каком он засвидетельствован в Льв., попал в этот список тем же путем, каким и в Тат., не приходится, поскольку промежуточные звенья между протографом и Льв., представленные Ипат., Радз. и Лавр., содержат Э₅ в совершенно ином виде.

Эп.	Э	27	34-36, 48, 50	57	45-47	17	49	18, 25, 26, 41-44, 55, 56
Лавр.		■	■	■	■			
Твер.		■	■	■	■			
Соф. 1		■	■	■	■			
НКар.		■	■	■	■			
Воскр.		■	■	■	■			
НIV		■	■	■	■			
Ипат.				■	■		■	
Радз.			■	■	■		■	
Тат.				■	■		■	■
Льв.		■	■	■	■		■	■

Рис. 1. Соотношение летописных списков посольско-купеческого перечня договора 944 г. по составу отсутствующих элементов

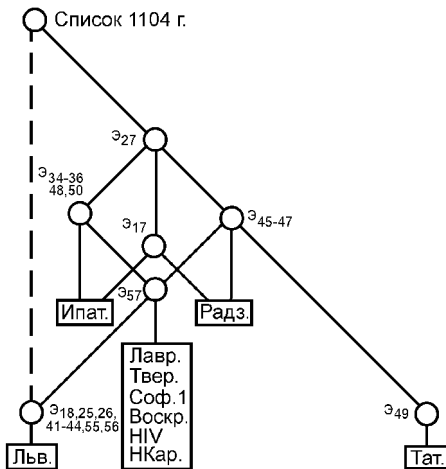

Рис. 2. Генеалогия летописных списков посольско-купеческого перечня договора 944 г.

Ипат. или Радз.: решение вопроса зависит не от древности списка, а от контекста перечня. Принимая Э₅ в варианте Лавр.–Ипат.–Радз. («Улебь Володиславль»), мы должны будем признать, что в состав семьи великого киевского князя входил некто Владислав, положение которого было выше, чем положение Предславы, Сфандры и Акуна «неги Игорева». При этом остается только гадать, почему Володислав, занимавший столь высокое положение в иерархии Киевского государства, более на страницах летописи не встречается⁷. Если же признать, что Э₅, соответствующий

⁷ Экзотическое предположение о том, что Владислав — муж Ольги и отец Святослава, разумеется, в счет не идет.

списку 1104 г., сохранился не в Лавр.—Ипат—Радз., а в Тат. («Улебов Володислав») и, возможно, в Льв. («Улеб[ь] Володиславъ»), то загадочный Володислав оказывается послом, представлявшим в составе посольства Улеба точно так же, как Шигоберн представлял в посольстве жену Улеба. Такое объяснение представляется мне предпочтительным. Очевидно, Володислав, упомянутый в Э₅, хотя и принадлежал к ближайшему окружению великого князя, но в состав великокняжеской семьи не входил (Белецкий 2001: 22–23).

Судя по тому, что первыми в посольском перечне договора 944 г. названы представители великого князя, наследника и великой княгини и только после этого записаны представители Игоря «неги Игорева» (Э₄) и Акуна «неги Игорева» (Э₁₁), перечень был составлен по иерархическому принципу. Тогда Улеб (Э₅), Предслава (Э₆), жена Улеба Сфандра (Э₇), Туръдуви (Э₈), Фаст (Э₉) и Сфирька (Э₁₀) были по своему положению, во всяком случае, не ниже, чем «Акун неги Игорев». В.Н. Татищев, ссылаясь на Иоакимовскую летопись (Иоак.), отмечает, что Улеб — сын Игоря и брат Святослава, Предслава — жена Святослава, а Сфандра (Ефанда) — жена Улеба: «Улеб, у Иоакима Глеб, сын Игорев... Предслава Святославля... Ефанда Глебова» (Татищев 1963: 218)⁸. Разумеется, принимать на веру сведения, восходящие к Иоак., крайне рискованно. Тем не менее начальная часть посольского перечня договора 944 г. оказывается в полном соответствии со сведениями Иоак. о составе великокняжеской семьи и иерархически безупречна: первым назван Ивор, посол великого князя Игоря, сына Рюрика, вторым — Фуефаст, представлявший наследника престола Святослава, третьим — Искусеви, представлявший великую княгиню Ольгу, четвертым Слуды, представлявший Игоря, племянника Игоря Рюриковича, пятым — Володислав, представлявший Улеба, младшего сына Игоря Рюриковича, шестым — Каницар, представлявший Предславу, жену Святослава, а седьмым — Шихберн, посол Сфандры, жены Улеба (рис. 3)⁹.

⁸ Иная по сравнению с большинством списков договора 944 г. форма имени жены Улеба (*Ефанда* вместо *Сфандр*) не является особенностью исключительно Тат. В НВ Э₇ читается как «Шихъбернь Ефандръ жены Улебле».

⁹ Таким образом, оба сына Игоря Рюриковича в середине 40-х гг. X в. уже были женаты, а Святослав, по сведениям Константина Багрянородного, занимал в эти годы новгородский княжеский стол (Константин 1989: 45, 311, 312). Это согласуется с датой рождения Святослава (920 г.), сохранившейся в пергаменной Раскольничей летописи (Татищев 1964: 407), и имеет, на мой взгляд, самое прямое отношение к проблеме определения возраста Святослава, который, по сведениям ПВЛ, в 945 г. «бе бо детескъ» и пребывал в Киеве вместе с пятидесятилетней матерью, кормильцем Асмудом и воеводой Свенельдом (ПВЛ-1: 40–43).

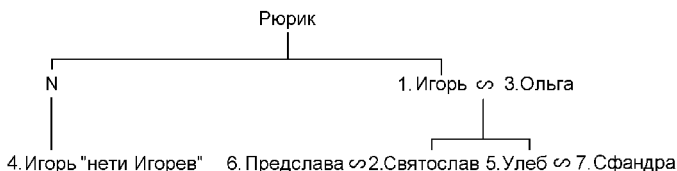

Рис. 3. Родственные отношения лиц, упомянутых в \mathcal{E}_1 – \mathcal{E}_7 посольско-купеческого перечня договора 944 г.

Прочие послы представляли лиц, находившихся на более низких ступенях в иерархии «рода русского» (ПВЛ-1: 231)¹⁰. Тем не менее очевидно, что Турьдув, Фаст и Сфирька, упомянутые в \mathcal{E}_8 – \mathcal{E}_{10} , принадлежали к роду Рюрика — представлявшие их интересы Прастен, Либиар и Грим упомянуты в посольском перечне раньше Прастена, выступавшего от имени Акуна «неги Игорева» (\mathcal{E}_{11}), принадлежность которого к потомству Рюрика очевидна.

Если признать Акуна «неги Игорева» братом Игоря «неги Игорева», то для Турдуви, Фаста и Сфирьки в генеалогической стемме потомков Рюрика места не остается. Действительно, считать их младшими детьми Игоря и Ольги или же потомками Святослава или Улеба не приходится. Если же Турьдув, Фаст и Сфирька были детьми Игоря «неги Игорева», они никак не могли находиться в иерархии «рода русского» выше своего дяди. Но если признать, что Акун «неги Игорев» был племянником не Игоря Рюриковича, а Игоря «неги Игорева» (рис. 4), то противоречие

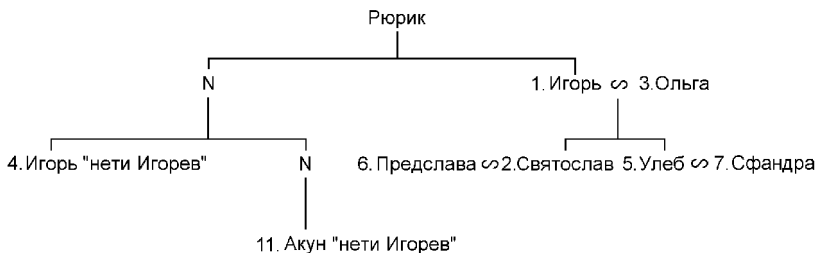

Рис. 4. Родственные отношения лиц, упомянутых в \mathcal{E}_1 – \mathcal{E}_7 и \mathcal{E}_{11} посольско-купеческого перечня договора 944 г.

¹⁰ Показательно, что в сокращенном списке договора 944 г., сохранившемся в НВ, посольский перечень включает только \mathcal{E}_1 – \mathcal{E}_{14} , а в Типографской летописи (Типогр.: 16) и в Московском летописном своде конца XV в. (Моск.: 348) вообще ограничен только \mathcal{E}_1 – \mathcal{E}_6 .

снимается: прямые потомки Игоря «неги Игорева», в любом случае, обладали более высоким социальным статусом, нежели его племянники.

В таком случае Турьдув, Фаст и Сфирька — это, скорее всего, сыновья Игоря «неги Игорева» (рис. 5).

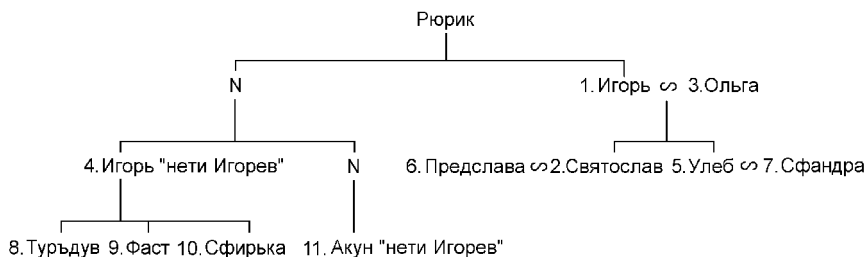

Рис. 5. Родственные отношения лиц, упомянутых в \mathcal{E}_1 – \mathcal{E}_{11} посольско-купеческого перечня договора 944 г.

К сожалению, текст договора 944 г. не позволяет определить, находятся ли в родстве с великокняжеской семьей лица, послы которых поименованы в \mathcal{E}_{12} – \mathcal{E}_{24} , поэтому вопрос об их идентификации остается открытым. Впрочем, часть из них наверняка принадлежали к «светлым князьям» — на такую возможность, как кажется, указывает формула, завершающая сокращенный перечень в HV: «...послании отъ Игоря, великого князя Рускаго, и от всехъ светлыхъ князии Рускихъ и отъ всехъ людей Рустыя».

Литература

Белецкий 2001 — *Белецкий С.В.* Кто такой Володислав договора 944 г.? // Норна у источника судьбы // Сборник статей в честь Елены Александровны Мельниковой. М., 2001.

Воскр. — Воскресенская летопись // ПСРЛ. СПб., 1856. Т. VII.

Ипат. — Ипатьевская летопись // ПСРЛ. М., 1962. Т. II.

Каштанов 1996 — *Каштанов С.М.* К вопросу о происхождении текста русско-византийских договоров X в. в составе Повести временных лет // Политическая структура древнерусского государства. VIII Чтения памяти В. Т. Пашуто. ТД. М., 1996.

Коновалов 1994 — *Коновалов Ю.В.* Русский княжеский дом в середине X в. // Историческая генеалогия. Вып. 4. М., 1994.

Константин 1989 — *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий // под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1989.

Лавр. — Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. М. 1962. Т. 1.

Льв. — Львовская летопись. Часть первая // ПСРЛ. Перв. пол. СПб., 1910. Т. 20.

- Моск. — Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25.
- НIV — Новгородская Четвертая летопись // ПСРЛ. Пг., 1915. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1.
- НV — Новгородская Пятая летопись. Вып. 1 // ПСРЛ. Пг., 1917. Т. 4. Ч. 2.
- НКар. — Новгородская Карамзинская летопись // ПСРЛ. СПб., 2002. Т. 42.
- ПВЛ-1 — Повесть временных лет / подг. т-та Д.С. Лихачева, пер. Д.С. Лихачева и Б.А. Романова. М.; Л., 1950. Часть первая.
- ПВЛ-2 — Повесть временных лет / подг. т-та Д.С. Лихачева, пер. Д.С. Лихачева и Б.А. Романова. М.; Л., 1950. Часть вторая.
- Радз. — Радзивилловская летопись // ПСРЛ. Т. 38. Л., 1989.
- Скрынников 1997 — *Скрынников Р.Г.* Исторический факт и летопись // ТОДРЛ. СПб., 1997. Т. 50.
- Соф. 1 — Софийская Первая летопись // ПСРЛ. Л., 1925. Т. 5. Вып. 1.
- Стрельников 1997 — *Стрельников В.А.* Наследники Рюрика в Ладоге до середины X в. // Дивинец Староладожский. Междисциплинарные исследования. СПб., 1997.
- Татищев 1963 — *Татищев В.Н.* История Российская. М., 1963. Т. II.
- Татищев 1964 — *Татищев В.Н.* История Российская. Л., 1964. Т. IV.
- Твер. — Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью // ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15.
- Типогр. — Типографская летопись // ПСРЛ. Пгр., 1921. Т. 21.

РАСКОПКИ В СТАРОЙ ЛАДОГЕ В 2008 г.

В 2008 г. Староладожская археологическая экспедиция Института истории материальной культуры РАН при участии исторического факультета Ленинградского государственного областного университета продолжила исследование раскопа 4, заложенного в 2006 г. в южной части Земляного городища Старой Ладого (рис. 1)¹. В предыдущие годы здесь были

¹ В работе экспедиции участвовали сотрудники ИИМК РАН А.Н. Кирпичников (начальник экспедиции), О.И. Богуславский (заместитель начальника экспедиции), археологи-профессионалы В.И. Кильдюшевский, Я.В. Френкель, А.А. Селин, А.И. Волковицкий, Н.А. Ефимова, Н.В. Григорьева (она же, В.И. Кильдюшевский и А.И. Волковицкий выполнили чистовые чертежи). В составе экспедиции трудились студенты-практиканты Ленинградского государственного областного университета им. А.С. Пушкина (49 человек; руководители — преподаватели Н.Н. Богемская и О.И. Вербовой). Активную помощь экспедиции оказали 50 воспитанников и 10 офицеров (руководитель — полковник В.Г. Садовников) Санкт-Петербургского Суворовского военного училища МВД России (начальник — полковник Г.Н. Федяев). В работах экспедиции участвовали также 12 студентов кафедры музееведения исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (руководитель — преподаватель С.Б. Чебаненко) и 12 студентов кафедры музееведения и экскурсоведения Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств (руководитель — профессор С.В. Белецкий), школьники старших классов из Старой и Новой Ладого (руководители — учителя С.Н. Филиппова и А.И. Ефимова). В экспедиции работали 20 волонтеров из Эстонии, Латвии и Литвы (руководители — А.С. Дыдымова и М.Н. Толстой), находившиеся в России в рамках Санкт-Петербургского международного летнего культурно-исторического университета, который был организован при Староладожской археологической экспедиции при финансовой поддержке Комитета по внешним связям и туризму Санкт-Петербурга (председатель А.В. Прохоренко). На раскопках работала Молодежная трудническая экспедиция «Старая Ладога — древняя столица Руси» в составе 22 человек из 19 городов России, собранных Исследовательским институтом Центра национальной славы России (руководитель Ю.М. Серебряникова). Помощь в работе экспедиции оказали Староладожский музей-заповедник (директор Л.А. Губчевская) и местный Информационно-досуговый центр (директор Н.А. Малышева), Муниципальное образование «Волховский район» (замглавы администрации Л.А. Сякова). Результативности раскопок способствовало исследование спилов археологического дерева, проведенное научным сотрудником Псковского Археологического центра М.И. Кулаковой, и изучение костных остатков животных, проведенное научным сотрудником Института

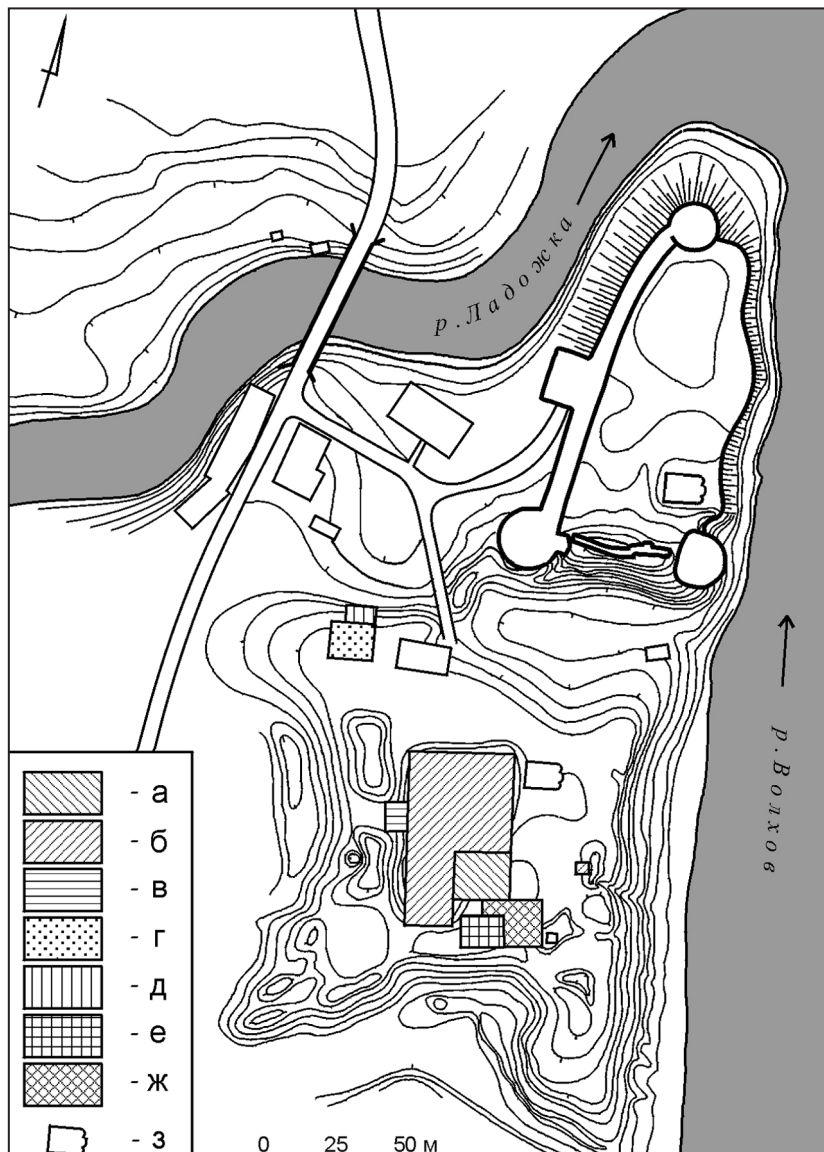

Рис. 1. План Земляного городища Старой Ладоги с обозначением раскопов разных лет

а – раскоп 1911–1913 гг.; *б* – раскоп 1938–1939, 1945–1950 и 1957–1959 гг.; *в* – раскоп 1973–1975 гг.; *г* – раскоп 1984–1991 гг.; *д* – раскоп 1992–1998 гг.; *е* – раскоп 1999–2005 гг.; *ж* – раскоп 2006 г., *з* – местоположение ц. Климента, исследованной раскопками 1912–1913, 1938–1939 и 1979–1980 гг.

выявлены участок деревянной застройки эпохи Средневековья и следы концентрации ремесленных производств (Кирпичников 2008: 329 и сл.). Раскоп 4 почти вплотную примыкал к раскопу Н.И. Репникова, исследованному в 1911–1912 гг., и к раскопу 3, изучение которого было завершено Староладожской археологической экспедицией ИИМК РАН в 2005 г. (Кирпичников 2006: 222–262).

Работы 2008 г. в целом были направлены на углубление наших знаний об истории и материальной культуре древнерусского города и на сохранение памятников истории и культуры, находящихся в Старой Ладогe — древней столице Руси, которой в 2003 г. исполнилось 1250 лет (Кирпичников, Сарабьянов 2003)².

Раскоп 4 был заложен на южной куртине «Земляного города» Ладогe, воздвигнутого в 1584–1586 гг. на территории существовавшего здесь ладожского посада. Ладожская крепость XVI в., включая ее земляное основание, была реконструирована в эпоху Петра I: подсыпана наружная сторона укреплений и, по-видимому, повышена высота земляной насыпи. Раскоп прорезал северную часть южной куртины «Земляного города» и захватил слои, прилегающие к куртине со стороны крепостного двора. В интересах сохранности исторического памятника южная наружная половина куртины оставлена в целости.

Поверхность раскопа 4 имела плавный уклон к северу и практически сливалась по своему уровню с прилегающей дневной поверхностью крепостного двора. Древняя поверхность на месте раскопа 4 по сравнению с прилегающим с юга рвом высится на 6–7 м. В древности эти цифры составляли не меньше 10 м. Как показали раскопки 1999–2000 гг., верхняя часть куртины с бруствером была полностью срыта, а поверхность снивелирована примерно под уровень крепостного двора. При нивелировке верхняя часть куртины была сдвинута вглубь

экологии растений и животных Уральского отделения РАН Н.Е. Бобковской. Раскопки велись на средства Президиума РАН, Строительного холдинга ЭталонСпецСМУ, Комитета по культуре правительства Ленинградской области, ООО «Форест-1», ООО «Интера», ООО «Петроконсалт», «Межотраслевого вексельного дома топливно-энергетического комплекса», ООО «ЛСР».

² При раскопках 2008 г. были обнаружены части деревянных построек и, не считая обломков керамики, 2611 индивидуальных находок из стекла, янтаря, сердолика, горного хрусталя, бронзы, кости, свинца, олова, железа, серебра, золота, камня, кожи, дерева, обожженной глины. За недостатком места в статью включены выборочные иллюстрации построек (рис. 4, 5, 21–25) и найденных предметов (рис. 6–15, 26, 27). Однако в каждом конкретном случае мы постарались дать полное описание всему открытому с количественным перечислением всех находок. Этот массив артефактов, конечно, заслуживает дальнейшего изучения.

крепостного двора, благодаря чему его поверхность поднялась местами примерно до 1 м. Средняя часть куртины, судя по наклонным слоям, была скопана внутрь двора полосой шириной около 8 м, считая от ее внутреннего края. Это видно на профиле раскопа 4 (рис. 2). Необходимо заметить, что куртина и прилегающий к ней со стороны крепостного двора грунт были исследованы в раскопе 3 в 1999–2000 гг., при этом были открыты отложения культурного слоя XVII в. (Кирпичников, Сорокин 2002: 151–158).

Изученная в 2008 г. в раскопе 4 толща культурного слоя составляла от 40 см до 1 м. Различие измерений связано с определенным наклоном древней почвы в месте раскопок с юга на север. В итоге глубина раскопа, считая от дневной поверхности, была доведена до 2–3 м в его северной части и до 3–3,7 м в южной части.

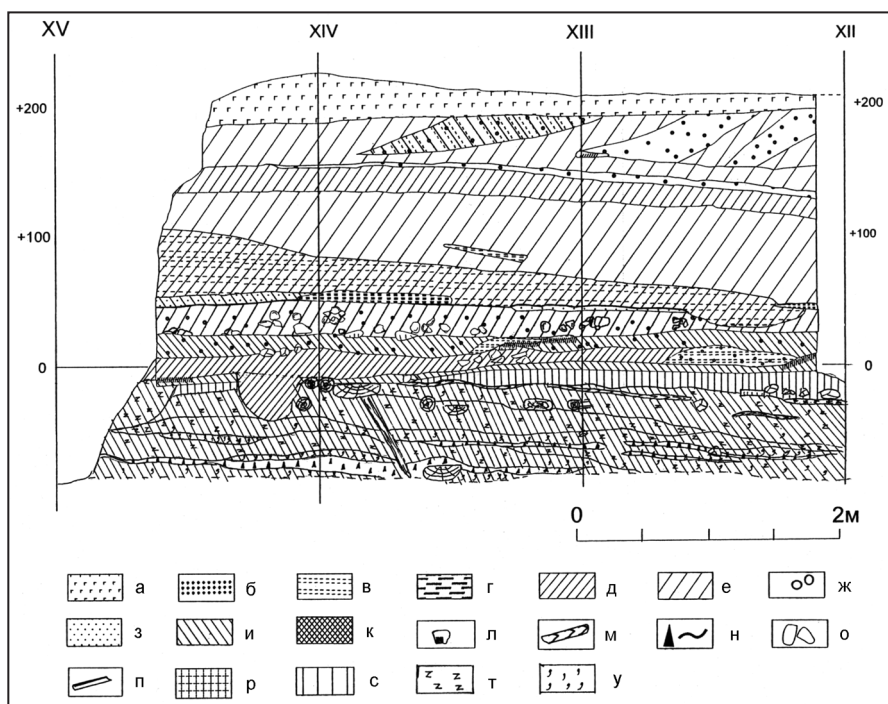

Рис. 2. Старая Ладога. Земляное городище. Раскоп 4. Профиль западной стенки
a – дерн и верхний почвенный слой; *б* – зола; *в* – глина; *г* – древесный тлен;
д – черный гумус; *е* – серый гумус; *ж* – щебень; *з* – песок; *и* – бурый гумус;
к – перекоп; *л* – плита; *м* – доска; *н* – уголь; *о* – камни; *п* – бревно;
р – строительный раствор; *с* – темно-серый гумус; *т* – щепа; *у* – навоз